

«НАМЕРЕННЫЕ УМОЛЧАНИЯ» КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (БУНТЫ И БУНТАРИ В «КУРСЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ» В.О. КЛЮЧЕВСКОГО)

Рассматриваются теоретические вопросы методологии историографии на примере научного творчества выдающегося русского историка В.О. Ключевского. Показано, что взгляды ученого могут быть проанализированы на основе «намеренных умолчаний» как историографического приема, что позволяет лучше понять особенности его исторических представлений.

Ключевые слова: российская история; творчество В.О. Ключевского; «намеренные умолчания»; историографический прием; русские бунты и бунтари.

Василий Осипович Ключевский – выдающийся российский историк, поэтому его жизнь и дела заслуживают перманентного пристального внимания. Обычно, изучая научное наследие того или иного ученого, принято обращаться к анализу всей совокупности написанных им работ, отмечая его представления об общем ходе и частных событиях истории. И такой подход в целом не вызывает возражений. Однако в определенных случаях историографической информацией становятся и те сведения, которые отсутствуют в текстах историка, подобно тому, как в юриспруденции для правовой квалификации иной раз требуется оценить не только поступки, но и бездействие субъекта. Именно с таким феноменом «намеренных умолчаний» мы порой сталкиваемся при обращении к творчеству В.О. Ключевского. В качестве основы для анализа будем опираться на «Курс русской истории» как последнюю фундаментальную работу ученого, в которой последовательно изложена концепция российского исторического процесса. При этом воспользуемся публикацией сочинений в 9 томах, выпущенных в 1987–1990 гг. издательством «Мысль», где «Курс» занимает первые пять томов. Впервые «Курс русской истории» был издан в самом начале XX столетия: 1-й том – в 1904 г., 2-й том – в 1906, 3-й – в 1908, 4-й – в 1910 г. Последний, 5-й том вышел в 1912 г. уже после смерти В.О. Ключевского.

Для рассмотрения некоторых особенностей историографического почерка Ключевского выберем один из наиболее популярных в недавнем прошлом научных сюжетов – историю массовых народных движений XVII–XVIII вв. Самые крупные из них порой еще и сейчас по инерции именуется крестьянскими войнами. Обратим внимание, что на протяжении всего «Курса» имена русских бунтарей встречаются необычайно редко. Из числа вождей так называемых «крестьянских войн» И.И. Болотников и С.Т. Разин упомянуты в третьем томе по два раза, а Е.И. Пугачев – лишь однажды в пятом томе. Примечателен и исключительно косвенный характер этих свидетельств. Например, в единственном указанном случае о Пугачеве написано следующее: «К 1775 г. Екатерина покончила три тяжелые войны: с Польшей, Турцией и со своим воскресшим супругом, маркизом Пугачевым, как она его называла». Больше с названным «ампиратором Петром Феодоровичем» мы в «Курсе русской истории» не встречаемся [1. С. 101]. Специфическим образом вспоминается и Степан Разин. В зарисовках о военно-морской истории Ключевский пишет про корабль «Орел», который «был

спущен к Астрахани; но там этот первенец русского флота, как известно, в 1670 г. был сожжен Разиным» [2. С. 251].

Количественный ряд будет столь же репрезентативно куцым, если мы просмотрим и другие работы историка в названном собрании сочинений. На все девять томов, включая комментарии составителей (7), имена народных вождей встречаются суммарно еще только 12 раз. Предводитель же восстания 1707–1709 гг. К.А. Булавин вообще не упоминается. Точно так же умалчивает историк и об их активных сподвижниках. Картина нисколько не изменится с привлечением крупных трудов Ключевского, оставшихся за пределами используемого нами собрания сочинений. Ни в «Боярской Думе Древней Руси», ни в «Сочинениях иностранцев о Московском государстве», ни, само собой, в «Древнерусских житиях святых как историческом источнике» о выдающихся русских бунтарях ничего не сообщается.

Подобная лапидарность историографических рефлексий в отношении социальных движений народных низов, потрясавших современников своим масштабом и жесточенностью, кажется нам весьма симптоматичной. Казалось бы, для ученого, жившего в пореформенную эпоху, с ее обостренным чувством интереса к истории простых людей, познавательный крен в сторону соответствующей проблематики был бы вполне естествен. Любой исследователь всегда обращается к прошлому с теми вопросами, которые навеяны современной ему действительностью, – это аксиома ремесла историка: «Политическая проблематика, персоналифицированная в деяниях князей и царей, господствовала в русской историографии до начала XIX в. В середине XIX в. усиливается интерес к “гражданской” истории (государственного аппарата, законодательства, нравов). К концу XIX в. явно проявляется тенденция к более широкому изучению социальной и экономической истории» [3. С. 6]. В таких метаморфозах научной мысли обнаруживает себя имманентный историческому познанию принцип партийности, без которого историописание теряет свою социальную роль. Значение партийности заключается в том, что она открывает возможность глубже понять существующие между историческими фактами взаимосвязи и позволяет их адекватно исследовать. Иначе говоря, через принцип партийности осуществляется связь настоящего с прошлым, аккумулируются крупнейшие достижения в осмыслении настоящего, которые используются для познания

прошлого, обнаруживая тем самым новые подходы в исследовательской практике ученого [4. С. 73–84; 5. С. 70–72]. Следовательно, в обобщающем труде Ключевского вполне можно было бы ждать обращения к различным страницам прошлой жизни народных масс, в том числе и к их героической борьбе за свою эмансипацию. Однако складывается впечатление, что историк, который «акцентировал внимание на истории не государства, а народа, стремясь выдвинуть на первый план роль последнего в истории» [6. С. 22], крупнейшие народные восстания и их вожаков проглядел. Конечно, в одной, пусть и выдающейся, работе невозможно было объять необъятное, но заметим, что эти сведения из текстов Ключевского выпадают с завидной регулярностью. Иными словами, данные «умолчания» – не случайность, а сознательная познавательная позиция историка, его, так сказать, историографическое кредо.

Разумеется, история русских бунтов и бунтарей не относилась тогда к числу наиболее приоритетных тем, о которых можно было писать абсолютно открыто и откровенно. Не секрет, что с воцарением Александра III в стране начался новый виток цензурных ограничений, был закрыт журнал «Отечественные записки», запрещены и уничтожены произведения Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, В.А. Гиляровского и др. Так получилось, что пик творчества Ключевского пришелся на время, когда «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Гнетущая атмосфера не могла не отразиться на отборе исторических сюжетов, необходимых для иллюстрации концептуальных положений историка. Не забудем, что он свыше тридцати лет занимал кафедру в Московской духовной академии, числившейся по ведомству влиятельного обер-прокурора. И хотя в 1905 г. официально провозгласили свободу печати, последовавшие революционные события определенным образом повлияли на негласное усиление цензуры, вследствие чего запрещенными к печати оказались свыше 1800 книг недозволенного содержания.

Цензура нередко заставляла авторов придумывать особый «эзопов язык», чтобы, несмотря ни на что, донести до читателя свои мысли – через намеки и аллегории. Возможно, «умолчания» Ключевского – явления того же семантического порядка. «Sapientia sat» (умному достаточно), словно бы подсказывал историк. Не случайно исследователи его творчества отмечают, что «в своей литературной, педагогической и общественной деятельности В.О. Ключевскому приходилось... учить читателя умению читать между строк и понимать злой сарказм. Скептик по натуре, он далеко не всегда высказывал свои мысли прямо» [6. С. 19]. Впрочем, известно, что именно во второй половине XIX – начале XX в. появился целый ряд ярких и глубоких исследований по данной проблематике, принадлежащих историкам самых разных направлений и школ. Можно назвать работы А.Н. Попова и Н.И. Костомарова о разинском бунте, монографии Н.Ф. Дубровина и А.И. Дмитриева-Мамонова о Пугачевщине, публикации по истории восстания К.А. Булавина и мн. др. [7–12]. Едва ли разделяя их гносеологические принципы и аксиологические выводы, Ключевский с большинством из них был хорошо знаком, а некоторые ценил высоко. Так, в небольшой историографической заметке о Н.И. Костомарове он

использовал весьма лестную для того ассоциацию: «Мы говорим: это костомаровский Иван Грозный, костомаровский Богдан Хмельницкий, костомаровский Стенька Разин, как говорили: это Иван Грозный Антокольского, это Петр Великий Ге и т.п.» [13. С. 380].

Не стоит думать, будто историк, комплиментарно воспринимая названные работы, посчитал теперь, после их выхода, тему народных бунтов окончательно закрытой. Тем не менее, сам он о бунтах предпочитал умалчивать. Вероятно, Ключевский, чей политический «радикализм» не шел дальше симпатий к партии кадетов, понимал, насколько «скользкой» по условиям времени является эта тема. Чувство высокой гражданской ответственности не позволяло историку ее ангажировать и таким образом невольно «революционизировать» настроения своих слушателей и читателей. В результате он мог сознательно наложить на данные «сомнительные» сюжеты свое собственное вето («самцензура»). И все же на страницах «Курса» нашлось место для описания народных движений в смутные времена начала XVII в., когда под угрозой оказалось существование самого русского государства. В изображении Ключевского роль социальных низов в тех судьбоносных событиях была весьма значительной, хотя вряд ли позитивной: «Выступление этих классов, – писал он, – и продлило Смуту, и дало ей другой характер. До сих пор это была политическая борьба, спор за образ правления, за государственное устройство. Когда же поднялся общественный низ, Смута превратилась в социальную борьбу, в истребление высших классов низшими» [2. С. 44–45].

С аналогичных позиций ученый квалифицировал и выступления более поздних времен. Характеризуя «тревожный» XVII в., Ключевский отмечал, что это была «эпоха народных мятежей в нашей истории», которая в 1670–1671 гг. вылилась в «огромный мятеж Разина на поволжском юго-востоке, зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов» [2. С. 225–226]. О таком же взгляде историка на бунтарство, но уже второй половины XVIII в. свидетельствует мысль, не попавшая в «Курс русской истории». Характеризуя «золотой век» русского дворянства, Ключевский заметил, что в социальном плане царствование Екатерины II «началось многочисленными местными восстаниями крестьян, которые потом слились в громадный пугачевский бунт. Напуганные этими мятежами, дворяне в большинстве не решались покидать города, где чувствовали себя безопаснее» [14. С. 84].

Неоднократно и глубоко в соответствующих разделах «Курса» анализировался феномен самозванчества Лжедмитриев, не забывал Ключевский о стрелецких бунтах, о религиозно-переворотных, восстаниях декабристов, о религиозно-общественном движении старообрядцев и т.д. Иначе говоря, протестная тематика как таковая все же получала более или менее развернутое отражение в «Курсе» Ключевского. Но сведения о крупнейших бунтах XVII–XVIII столетий встречаются исключительно редко и в недостаточном для полноценной научной рефлексии объеме. Следует полагать,

как считают издатели его сочинений, что Ключевский «нарочито уходил от основных проблем истории во избежание нападков с различных сторон» [6. С. 24]. Поэтому необходимо учитывать и «намеренные умолчания» историка, стремясь извлечь из них максимальную информацию. Однажды (на примере московской Смуты) панорамно развернув свое видение народного протеста, Ключевский в дальнейшем ограничивался лишь точечными указаниями на его примеры, таким образом всякий раз освежая воспоминания читателей и не позволяя им забывать об этом историческом феномене.

Хотя распространенная в XIX в. позитивистско-социологическая методология фактически выхолащивала роль личности в истории, Ключевский, разделявший основные принципы этой теоретической схемы, сумел подняться над такими ограничениями и выйти за их рамки. Он компенсировал возникавшие познавательные лакуны отдельными биографическими зарисовками, которые не нарушали, а органично дополняли проблемно-концептуальное изложение русской истории. Кроме того, известны и специальные «портретные» статьи Ключевского. Как справедливо отмечают в литературе, воссоздание типов людей прошлого было для него одним из способов понять исторический процесс в целом. В красочных этюдах о жизни и деятельности прославленных людей отражались не только исторические факты, но и глубокие психологические образы этих выдающихся личностей. Интересно, что в сборнике «Исторические портреты» [15], подготовленном издателями на основе «Курса», все статьи разделены на два больших тематических блока: «Правители Русского государства» и «Созидатели земли русской». Поскольку среди номинированных там избранных биографий нет ни Болотникова, ни Разина с Пугачевым или Булавина, мы понимаем, что историк не причислял их ни к одному из упомянутых типов исторических личностей. Хотя типаж здесь, несомненно, присутствует – это бунтарь-разрушитель. Вообще из всех «героев», жизнеописания которых помещены в сборнике (44 очерка), только один может считаться полноценным представителем общественных низов – это спаситель «земли русской» нижегородский староста Кузьма Минин, да и тот «разделяет» свою славу с князем

Д.М. Пожарским. При том что основой концепции Ключевского была социальная история, простой народ, хотя и привлекал его ученое внимание участием в осуществлении исторического развития, но не в своем персонифицированном виде, а как общая масса, без выделенных индивидуальных характеристик. Вероятно, по этим причинам личности названных народных вождей не включались, как правило, Ключевским в свои тексты. Обоснованная в современную ему эпоху идея, в соответствии с которой «в действительной жизни... герои и толпа существуют, герои ведут, толпа бредет за ними», была чужда научным построениям историка [16. С. 114; 17]. В «Курсе» Ключевского мы не найдем развернутого изложения событий крупнейших народных восстаний XVII–XVIII вв., как практически не встретимся и с их предводителями. Это не означает, что «намеренные умолчания» Ключевского не дают возможности получить представления о его взглядах на эту важную проблему российской истории. С высокой степенью вероятности можно предположить, что историк конституирует преимущественно насильственную составляющую русских бунтов, которые для него, как и для А.С. Пушкина, выступают прежде всего в своей «бессмысленной» и «беспощадной» ипостаси. Из текстов и «умолчаний» историка четко определяется обозначенная им социальная направленность бунтов против «доброродных» господ. Сквозь «призму» великого чувства страха квалифицируется психологический фон грозных событий. Во всем этом можно найти недосказанные намеки историка на их реальную опасность не только для власти имущих, но и для всей государственной и общественной системы в целом. В то же время, воздерживаясь от аксиологических маркировок великих бунтов и бунтарей, Ключевский, таким образом, не захотел присоединиться к разрозненному многоголосому «хору» их ревнителей и хулителей. Преимущественно умалчивая в самой популярной работе о крупнейших выступлениях народных масс в истории России, Ключевский тем самым выражал свое неприятие насилия как движителя исторического развития, связанных с ним общественного хаоса и беспорядка. В смутную предреволюционную эпоху это уже само по себе можно было считать смелой гражданской позицией ученого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 5. 476 с.
2. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. 3. 414 с.
3. *Историография* отечественной истории : учеб.-метод. пособие / сост. В.Н. Данилов, О.В. Кочукова, С.А. Мезин. Саратов, 2007. 68 с.
4. *Мозильнический Б.Г.* Введение в методологию истории : учеб. пособие. М., 1989. 175 с.
5. *Мауль В.Я.* Основы исторических знаний : учеб. пособие. Тюмень, 2010. 140 с.
6. *Александров В.А., Янин В.Л.* Предисловие // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 5–32.
7. *Булавинский бунт. 1708 г.* / сообщ. П.П. Ламбин // Русская старина. 1870. Т. 2. СПб., 1875. С. 474–484.
8. *Дмитриев-Мамонов А.И.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. 258 с.
9. *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1. 411 с.; Т. 2. 424 с.; Т. 3. 415 с.
10. *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. М., 1994. 640 с.
11. *Попов А.Н.* История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. 133 с.
12. *Фирсов Н.Н.* Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. СПб. ; М., 1906. 50 с.
13. *Ключевский В.О.* Специальные курсы // Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 7. 508 с.
14. *Ключевский В.О.* Западное влияние в России после Петра // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 11–112.
15. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М., 1991. 630 с.
16. *Михайловский Н.К.* Литература и жизнь // Русское богатство. 1894. № 1. С. 88–123.
17. *Михайловский Н.К.* Герои и толпа // Отечественные записки. 1882. № 1. С. 91–122; № 2. С. 501–536; № 5. С. 199–228.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 декабря 2012 г.